

RU

Восстановление избирательных прав в селах Приазовья на рубеже 1920-1930-х гг.

Поночевный М. А.

Аннотация. Цель исследования – показать, как в действительности работал институт восстановления избирательных прав на материале судебных крестьян Приазовья в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В статье рассмотрено в конкретике и динамике на примере института восстановления избирательных прав крестьянами Приазовья, как исторически формировалась советская правовая культура, каково было реальное соотношение «революционного правосознания», формальной советской законности и правоприменения. Научная новизна заключается в анализе 180 не изученных ранее архивных дел о лишении и восстановлении избирательных прав крестьян из комиссий по рассмотрению принадлежности к кулацким хозяйствам и лишению избирательных прав. Эти дела велись в не существующих ныне Федоровском и Таганрогском сельских районах. Выделяются различные основания и стратегии для восстановления избирательных прав, отражающие реалии и правовую культуру тех лет. В результате исследования установлено, что институт лишения и восстановления избирательных прав в колхозах эволюционировал. С одной стороны, коллективизация стала фактором, осложняющим восстановление избирательных прав «лишенцев», так как любые меры против колхозных кампаний и раскулачивание власти рассматривают как дополнительные факторы лишения избирательных прав. Однако в дальнейшем по мере роста проблем деревни и стабилизации регулятивного характера института снова расширяются возможности для восстановления избирательных прав ряда категорий.

EN

Restoration of voting rights in the villages of Priazovye at the turn of the 1920s–1930s

A. P. Maxim

Abstract. The aim of the study is to demonstrate how the institution of restoration of voting rights actually functioned, based on court cases involving peasants from the Priazovye region in the late 1920s to early 1930s. The article examines, in concrete terms and dynamics, using the example of the institution of voting rights restoration by peasants of Priazovye, how Soviet legal culture historically developed, and what the real relationship was between “revolutionary legal consciousness,” formal Soviet legality, and law enforcement. The scientific novelty lies in the analysis of 180 previously unstudied archival cases concerning the deprivation and restoration of peasants’ voting rights handled by commissions responsible for reviewing affiliation to kulak households and deprivation of voting rights. These cases were conducted in the now-defunct Fedorovsky and Taganrog rural districts. Various grounds and strategies for the restoration of voting rights are identified, reflecting the realities and legal culture of those years. The study reveals that the institution of deprivation and restoration of voting rights in collective farms evolved over time. On one hand, collectivization became a factor complicating the restoration of voting rights for the “disenfranchised,” as any actions against collective farm campaigns and dekulakization were viewed as additional grounds for deprivation. However, as rural problems intensified and the regulatory nature of the institution stabilized, opportunities for restoring voting rights for certain categories expanded again.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в том, что историки все больше вовлекают региональный материал в изучение института лишения и восстановления избирательных прав. При этом Приазовье в конце 1920-х – начале 1930-х гг. не было исследовано должным образом, так как региональные архивы открыли эти материалы совсем недавно и большой их объем до сих пор требует анализа. Кроме того, непосредственный анализ источников на примере выбранного института может показать в конкретике и динамике,

как исторически формировалась советская правовая культура, каково было действительное соотношение «революционного правосознания», формальной советской законности и правоприменения. Для этого может быть использована такая важная и информативная категория архивных источников, как дела о восстановлении избирательных прав. Исследователи подчеркивают уникальность правовой среды советского государства в это время, что повышает актуальность исследований данного круга проблем (Килин, 1997, с. 95). На рубеже 1920-1930-х гг. в источниках часто встречаются заявления людей с просьбой снять «клеймо лишенца», которое делает невозможным нормальное проживание, обучение и даже простой заработок честным трудом, так как именно в это время ограничения становятся особенно жесткими, а число лишенцев достигает пика.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть основания и стратегии для восстановления избирательных прав лицами, использовавшими наемный труд, изучить практику восстановления избирательных прав иждивенцами «лишенцев», показать конкретные факты аналогичных юридических действий других категорий (офицеры, жандармы, служители культа, торговцы).

Материалом для исследования послужил массив из 180 не изученных ранее архивных дел крестьян из комиссий по рассмотрению принадлежности к кулацким хозяйствам и лишению избирательных прав. Эти дела велись в сельсоветах не существующих ныне Федоровского и Таганрогского сельского районов (сейчас это западная часть Неклиновского района Ростовской области). Их анализ и сопоставление с нормативными актами советской власти:

- Конституция РСФСР 1918 г.;
- Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (Декрет ВЦИК, 1926);
- Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении Инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР» (Постановление ВЦИК, 1930);
- Личные дела граждан, лишенных избирательных прав // Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф-169. Оп. 1. Д. 253, 254, 255, 264, 268, 269 (ТФ ГАРО);
- Списки лиц, лишенных избирательных прав по району в перевыборную кампанию // Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф-169. Оп. 1. Д. 263 (ТФ ГАРО).

Теоретическую базу работы составляют исследования социальных аспектов проблемы, в том числе регионального массива материалов лишения избирательных прав (Байда, 1997; Валуев, 2003; Морозова, 2005), и процедурно-правовых аспектов института лишения и восстановления избирательных прав (Килин, 1997; Саламатова, 2015). Исследователь Е. А. Юнина (2020), представившая обстоятельный историко-психологический анализ действий «лишенцев», обозначает их как реабилитационную деятельность, классифицирует их и справедливо утверждает, что борьба за восстановление прав и вместе с ними репутации была «витальной необходимостью». Полезными для детализации анализа данного исследования оказались работы по отдельным категориям лиц, лишенных избирательных прав (Москаленская, 2015).

Практическая значимость работы заключается в том, что приведенные микроисторические материалы личных биографий и актов правоприменения представляют собой ценный эмпирический материал для дальнейшей аналитической работы исследователей советского государства и права. Анализ и введение в оборот такого корпуса источников позволяет не только показать жизненный путь отдельных лиц, но и реконструировать социально-культурный облик целых социальных групп. Материалы и выводы статьи могут изучаться на семинарах по истории и истории государства и права, при подготовке учебно-методических пособий по этим предметам.

Документы о восстановлении избирательных прав крестьян Приазовья показывают рост активности применения института в конце 1920-х гг. и ее снижение в начале 1930-х гг. Исследованные региональные материалы в целом отражают общие тенденции в эволюции правового института и региональные особенности социально-экономической жизни юга.

Обсуждение и результаты

Очень распространенным основанием для лишения избирательных прав было использование наемного труда. Однако Инструкции о выборах в советы (Декрет ВЦИК, 1926; Постановление ВЦИК, 1930) признавали ряд таких ситуаций правомерными. Избирком Северокавказского края восстановил в 1930 году избирательные права Николая Яковлевича Н., хотя за год до этого комиссией Таганрогского Райисполкома было в этом отказано. Единственным основанием для лишения прав было использование наемного труда, однако он привел факты найма работницы только на летний сезон по болезни туберкулезом и утраты трудоспособности жены из-за рождения мертвого ребенка. Также указано, что трудоспособность потеряна на 70 процентов, в принципе дающая ему право на наем рабочей силы, которым он не пользуется. Приводит заявитель и свидетельства селян о том, что прибежал к наемному труду только во время уборки хлеба (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 253, Л. 1710-1727). Очевидно, эти юридические факты описаны в пунктах «А» и «Б» статьи 16 Инструкции о выборах 1926 г.; там же прямо указывается на подсобный характер наемного труда и обязательное участие в работе трудоспособных членов семьи для признания хозяйства трудовым (Декрет ВЦИК, 1926). Павел Васильевич К. из Платово-Ивановского сельсовета, например, подчеркивает, что нанимал рабочих на месяц по договору для помощи в постройке дома, а все трудоспособные члены его семьи одновременно с нанятыми вставали на работу и оканчивали ее, принимали одну и ту же пищу вместе с ними (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 254, Л. 1915-1917).

В похожей ситуации был восстановлен в правах Иван Петрович К. из немецкого колхоза Хоффенталь (Мелентьево) (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 253, Л. 1710-1730). В довоенном Приазовье немецкие коммуны не были

редкостью. Бывший батрак, он «заимел» крупное хозяйство после революции 1917 г. В 1930 году его лишили прав за использование наемной рабочей силы, однако в 1935 году в комиссии Федоровского Райисполкома приняли во внимание его подтвержденную почти 30 свидетельствами лояльность на общественно полезной работе. Приведены доводы о необходимости найма из-за малолетства детей и посещения ими школы, «ведь даже В. И. Ленин говорил, что надо учиться, учить детей и воспитывать их в советском духе» (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 253, Л. 1727), а также болезни жены, что, однако, не привело к расширению хозяйства за пределы трудовой нормы. Скорее всего, немалую практическую роль в восстановлении прав сыграла отмеченная в ряде дел особая сплоченность немецких колонистов, характерная для замкнутых диаспор. Это не единственный пример из выборки, который показывает, что к 1935 году стали активно восстанавливать избирательные права.

Не последнюю роль стала играть и нехватка людей в колхозах, весьма ощутимая в это время. М. С. Саламатова указывает на такую тенденцию в общегосударственном масштабе и объясняет это падением интереса государства к лишению избирательных прав и стремлением превратить данный институт в неэкономический стимул для колхозников (Саламатова, 2015). Д. В. Валуев (2003, с. 15-16) объясняет отмеченный нами процесс «либерализацией избирательного законодательства» в 1930-е гг. на фоне признания отсутствия эксплуататорских классов. Описанная ученым патриархальная сплоченность крестьян Смоленщины в контексте противодействия мерам власти по лишению состоятельных крестьян их прав в Приазовье нами наблюдается в меньшей степени, за исключением немецких колоний.

Наиболее логичным и убедительным, с точки зрения советских норм права, представляется жалоба проживавшего в соседнем городе Таганроге Василия Гавриловича М., работавшего завмагом при сельпо (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 255, Л. 2741-2760). Характеристика этого человека показывает ряд важных фактов биографии, которые свидетельствовали в его пользу: участие в восстании против белых, служба в Красной армии с ранением, избрание председателем Революционного комитета сельсовета, затем членом правления потребительского общества. Позже он был избран членом правления сельхозтоварищества, во время коллективизации был бригадиром полеводческой бригады. Инструкции о выборах в советы (Декрет ВЦИК, 1926; Постановление ВЦИК, 1930) указывают любые действия по вооруженной защите Советской власти только как основание, по которому исключается лишение избирательных прав лиц, служивших в Белой армии. Однако в большинстве анкет и характеристик служба в Красной армии указывается обязательно. Остальные факты показывают лояльность советской власти и ее политики, которая, наряду с пятилетним трудовым стажем, для ряда категорий с 1926 года стала обязательным условием восстановления трудовых прав (Саламатова, 2015). Райисполком Таганрогского сельского совета подтвердил решение сельсовета о лишении избирательных прав 1932 года по статье 15, пункту «А» Инструкции (Постановление ВЦИК, 1930). Хозяйство Василия Гавриловича было отнесено тогда же к явно кулацким. К делу приложено заявление односельчанина о факте аренды с 1926 по 1929 г. Василием Гавриловичем вместе с братом 16 га, за которые братья обрабатывали своей семьей арендодателю 4 га. Приводятся свидетельства потери трудоспособности по ранению на 80 процентов. Сделаны ссылки на Земельный кодекс и Кодекс законов о труде для обоснования трудового характера аренды личным участием, нетрудоспособностью и наймом работников только во время уборочной. Учитывая вступление в колхоз с женой в 1930 г., заявитель отрицает кулацкий характер своего хозяйства. Факт аренды земли Василием Гавриловичем не признается основанием для лишения избирательных прав, так как пункт «Г» статьи 15 считает достаточными только условия, признанные налоговой комиссией кабальными для сдатчиков. При этом сельским хозяйством официально он занимался только год, в основном находясь на должностях в кооперации; сам был середняком; райкомиссия его на индивидуальное налогообложение не переводила. Избирательная комиссия Северокавказского края, учитывая все изложенные факты, восстановила его в правах. Вероятно, здесь одинаково важную роль сыграла и его заслуженная биография, и крайне редкое для всей выборки дел грамотное формальное обоснование с приведением всех необходимых справок. Д. Н. Москаленская справедливо отмечает, что документальное подтверждение изложенных фактов повышало шансы восстановления в правах (Москаленская, 2015).

Несколько заявителей, лишенных прав по статьям «К» и «Л», пытались их восстановить. Для этого доказательству подлежали факты того, что в реальности запрещенных законом должностей в службах старого режима не имели, а были причислены к ним по ошибке. Например, заявители аргументируют, что звание «подпрапорщик» к офицерским не относится или стражник-урядник царской службы жандармом не являлся. Также приводят факты активной службы красному делу в годы Гражданской войны, перенесенных репрессий со стороны белых, общественной деятельности на советском поприще. Даже при вмешательстве прокурора избирательные права по этим пунктам могли остаться без восстановления (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 255, Л. 2395-2398). Служители религиозных культов, даже бывшие, восстановили права только в случае, если доказана ошибочность отнесения их к этим категориям лиц («монашкой считают только потому, что не вышла замуж» (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 255, Л. 2386-2389)).

В нескольких делах (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 255, Л. 163-172, 204; ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 254, Л. 2017) предпринимается попытка восстановления прав через доказывание фактов совместной обработки земли, «супряги», «спряжки», «скопщины». Такая форма в идеале исключает наемный труд, аренду земли или инвентаря. Однако и тогда, и сейчас известны случаи притворных сделок, которые прикрывают одни реально существующие правоотношения (например, наем рабочей силы или аренда) другими вымышленными (например, договор о совместной деятельности). По этой причине такие формулировки привлекали внимание как возможные скрытые формы наживы и эксплуатации. Ни разу заявителям не удалось привести убедительных доказательств, чтобы добиться восстановления прав.

В нескольких случаях смогли восстановить права те, кого их лишили за торговлю. Те же, кто доказал факт торговли по бесплатному патенту или патенту первого разряда, восстановили права. Для торговавших по патенту второго разряда требовалось пять лет общественно полезного трудового стажа после прекращения такой торговли (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 254, Л. 1833, 2000; Байда, 1997, с. 92). Отмеченный Е. В. Байда «интересный аспект», когда «лишенными избирательных прав иногда оказывались торговые агенты потребительских кооперативов, скупавшие в родной деревне сельскохозяйственную продукцию... местные власти не делали различия между частным торговцем и наемным работником государственных организаций и кооперативов» (1997, с. 91) подтверждается и на материалах Приазовья. Дмитрий Иванович М. из Ивановского сельсовета тщетно пытается восстановить избирательные права, которых был лишен, работая в потребительской кооперации. Из-за этого он ушел с должности приказчика потребительского общества и «терпит это пятно напрасно, не зная за собой никакой вины» (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 255, Л. 2364-2369).

Наличие общественно полезного труда и фактов материальной независимости было необходимо для восстановления в правах тех, кто был лишен избирательных прав как член семьи и иждивенец лиц, указанных в пунктах «А», «Б», «В», «Г» и «Д» Конституции РСФСР (в Инструкции 1926 г. это отдельный пункт «П»). В таких случаях доказывалось выделение своего двора, ведение собственного трудового хозяйства. Работу на себя единоличников, кустарей, продажу личного рукоделия не считали такой категорией труда (Русина, 2009, с. 200). При формальном характере отделения своего хозяйства, скажем, от хозяйства отца-«лишенца», в восстановлении прав отказывали. Нередко пытались доказать, что такой отец сам находится на иждивении сына, что юридически было не запрещено. Дополнительным аргументом всегда указывались факты службы делу Революции или активного колхозного строительства.

Особую социальную и профессиональную сплоченность показывают судьбы учителей, попавших в указанную выборку. Два очень похожих дела педагогических работников из Весело-Вознесенской слободы, лишенных прав не ранее 1930 г., служат тому примером. Оба утверждают, что причины лишения им своевременно не сообщали, при этом, очевидно, что лишены прав они были как иждивенцы указанной категории родственников. В делах тех заявителей, которые занялись учительским трудом, можно видеть положительные характеристики от трудовых коллективов, профсоюзов и комсомольских собраний, явно симпатизирующих заявителям в их деле. Один из них был вскоре восстановлен избирательной комиссией сельсовета. На это могла повлиять его самостоятельность от отца-«лишенца», партийность, должность заведующего школой, обращение в прокуратуру и указанный в заявлении факт службы в Красной армии (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 255, Л. 112-117).

«Классово близкие элементы», временно лишенные прав, после освобождения из исправительных учреждений успешно восстанавливали права (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 254, Л. 2001-2010; ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 269, Л. 1-10).

Некоторые юридические основания для восстановления прав были упомянуты в почти двух сотнях дел лишь единожды. К числу таких редких юридических фактов относится исполнение работ на показательном поле в деле Михаила Яковлевича К., бывшего председателя сельсовета (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 253, Л. 1674-1700). Михаила Яковлевича лишили избирательных прав на основании показаний односельчан, которые назвали его кулаком с 12 га своей и 30 га арендованной земли, использовавшим ее как опытное культурное поле для прикрытия эксплуатации батраков до двадцати человек. Михаил Яковлевич упоминает, во-первых, что участвовал в восстании против белых в 1919 году, подвергался за это репрессиям, затем занимал на общественных началах должности в кооперации, принял активное участие в создании колхоза, организовал молочную артель, был председателем сельсовета, кандидатом в члены Коммунистической партии большевиков. Это было важной информацией, так как его пытались отнести к кулакам в числе лиц, срывающих политические кампании. Во-вторых, он отрицает факт использования наемной рабочей силы, кроме найма работницы на два месяца. В-третьих, указывает, что сам работал по найму до двадцати лет. Отдельно он оговаривает, что по предложению райкома исполнял работы на показательном поле площадью 15 га до 1925 года, что разъясняло населению государственные мероприятия через сельскохозяйственные кружки. В декабре 1932 г. соответствующая комиссия исполкома Таганрогского сельского района все-таки принимает решение восстановить его в избирательных правах. Вероятно, это соответствовало пункту «Н» статьи 6 Инструкции о выборах 1930 г. о получении вознаграждения от государственных и кооперативных организаций, в какой-то мере пункту «А» в части разрешения на наемный труд при избрании на общественную должность с отрывом от своего хозяйства. Не последнюю роль в его успехе могли иметь личные связи и авторитет заявителя как заслуженного хозяйственника. Как видно на этом примере и примерах из других регионов, лишение прав вполне могло касаться лиц, избранных на общественные должности, и нередко из-за сведения личных счетов (Федорова, 2007, с. 493).

Всего один раз упоминается и юридический факт принятия ученика в кустарное производство. Хозяйство Трофима Никитича К. (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 254, Л. 1836-1840) было подведено сельсоветом под явно кулацкое за аренду земли сверх трудовой нормы до 1929 г. и наем рабочих. Он пишет заявление в Таганрогский райком, указывая на следующие юридические факты. Два «мужика» приходили к нему во время наплыва ремонта сельскохозяйственных машин только при отсутствии полевых работ для учебы и затем уходили. Работы выполнялись по наряду сельсовета, а в 1929 году и вовсе была организована промыслово-кооперативная артель от Союза кустарно-промысловых кооперативов (Кустпромсоюза). При организации колхоза заявитель предложил инструменты и сам был руководителем мастерской. Сам заявитель прямо указывает на разрешенное право иметь учеников в силу условий производства. Дело Трофима Никитича К. похоже на рассмотренное выше дело об опытном поле (ТФ ГАРО, Ф-169, Оп. 1, Д. 253, Л. 1674-1700), созданном в интересах государства. Обоснования восстановления прав сводятся к действиям «лишенца» в интересах государства и колхозного строительства, а также отсутствия эксплуатации с целью личной наживы. В деле Трофима Никитича нет

данных об успешном восстановлении в правах. Это не вызывает удивления, так как приложенные к делу показания трех батраков о найме рабочих и аренде земли сверх трудовой нормы не были опровергнуты.

По данным Н. М. Морозовой (2005, с. 15-16), в Мордовии избирательные права были восстановлены у 22-32 процентов лишенных прав. Л. Н. Мазур (1997, с. 118) на основе анализа случайной выборки дел из архива Свердловской области пишет об успешном восстановлении прав у трети заявителей. Из-за постоянных процедурных изменений в ведении дел «лишенцев» и состояния исследованного фонда документов, трудно сопоставить данные по Таганрогскому и Федоровскому районам с данными по Мордовии и Свердловской области точно. Однако заметно, что в Приазовье было меньше случаев восстановления прав. Это объяснимо большим расслоением и антагонизмом классовой борьбы в среде крестьян юга.

Заключение

Институт лишения и восстановления избирательных прав в колхозах эволюционировал. С одной стороны, коллективизация становится фактором, осложняющим восстановление избирательных прав, так как любые меры против колхозных кампаний и раскулачивание становятся дополнительным фактором лишения избирательных прав. Однако в дальнейшем по мере роста проблем деревни и стабилизации регулятивного характера института снова расширяются возможности для восстановления избирательных прав ряда категорий. Региональные материалы о восстановлении избирательных прав крестьян Приазовья в целом отражают общие тенденции в эволюции правового института и региональные особенности социально-экономической жизни юга.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать поиск и сопоставительный анализ аналогичных данных по другим сельским районам юга, уточнение данных в фондах краевой избирательной комиссии.

Источники | References

1. Байда Е. В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы). Нижний Тагил, 1997.
2. Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918-1936 гг.) (на материалах западного региона): автореф. дисс. ... к. ист. н. Брянск, 2003.
3. Килин А. П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы). Нижний Тагил, 1997.
4. Мазур Л. Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы). Нижний Тагил, 1997.
5. Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918-1936 гг.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Саранск, 2005.
6. Москаленская Д. Н. Личные дела священно- и церковнослужителей-«лишенцев» как исторический источник // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 1.
7. Русина Ю. А. «Нет права голоса — нет доверия»: почему лишенцы ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах: в 2 ч. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7.
8. Саламатова М. С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918-1936 гг.): эволюция правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 12.
9. Федорова Н. А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4.
10. Юнина Е. А. Лишение избирательных прав как элемент маргинализационных процессов в обществе 1920-1930-х гг. в отражении судеб жителей города Тобольска и Тобольского округа Уральской области (историко-антропологический аспект) // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 8.

Информация об авторах | Author information

Поночевный Максим Анатольевич¹, к. филос. н.

¹ Южный федеральный университет

Anatolievich Ponochevny Maxim¹, PhD

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ ponochevny8tg@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.05.2025; опубликовано online (published online): 03.06.2025.

Ключевые слова (keywords): лишенцы; лишение избирательных прав; восстановление избирательных прав; трудовая норма хозяйства; the disenfranchised; deprivation of voting rights; restoration of voting rights; labor standard of the household.